

К сожалению, тех высот, на которых работал Александр Петрович с коллекционным материалом мне достичь не удалось. Правда, кое-где кое-что хранится! В области таксiderмии руки Александра Петровича — это отдельная песня. Его сын, Владимир Александрович, к счастью унаследовал многое от отца, в том числе и замечательные руки.

В своё время Александру Петровичу не удалось «получить свою долю» в министерских баталиях за создание при кафедре зоологии проблемной лаборатории, которая была создана лишь в Московском государственном педагогическом институте (МГПИ) им. В. И. Ленина. Я имел удовольствие работать в ней с 1964 по 1974 гг. Считаю, что мне повезло там с руководством — научным С. П. Наумова и административным А. А. Иноземцева. Кроме того, кафедра зоологии МГПИ, особенно её орнитологическая составляющая, была очень сильной, но и та внимательность, с которой Александр Петрович растил «молодую поросль» была мне очень полезной.

Склоняясь перед памятью своих учителей — Петра Петровича Смолина, Иосифа Иосифовича Малевича, Николая Николаевича Руковского, Сергея Павловича Наумова и многих других, в числе их должен признать и значительное место Александра Петровича Кузякина. Учителей не забывают, если есть понимание того откуда что берется. Увы, от них при большем старании и способностях можно было бы получить, перенять много больше.

Не знаю, был бы Александр Петрович в восторге от того, что я считаю его одним из своих основных учителей, хотя и с ограниченным контактом, но для меня он — Учитель.

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине

Э. В. Рогачева

Я познакомилась с А. П. Кузякиным в 1950-е годы. К нам на кафедру зоогеографии географического факультета МГУ пришел новый преподаватель. Молодой, моложе остальных — ему было в это время лет 40. И сразу повеяло свежестью.

Мы любили своих преподавателей, все они читали хорошо. Но кафедра зоогеографии (потом она стала кафедрой биогеографии, объединившись с кафедрой географии растений) была организована недавно, и руководство кафедры, видимо, искало новых интересных преподавателей. И вот нашли А. П. Кузякина. Он читал менее академично — гораздо непосредственнее и веселее.

Я не помню точно, какие курсы он нам читал. Кажется, ландшафтную зоогеографию. И много говорил также о медицинской зоологии, о которой мы не имели представления.

Мы были первым выпуском кафедры зоогеографии — всего 5 человек: Н. Барсанова, В. Бутьев, Л. Лавров, Э. Рогачева, А. Столяров. Несмотря на нашу малочисленность, Александр Петрович с нами возился очень много. Кроме лекций, он оставался и отвечал на наши бесконечные вопросы — о новых для нас областях науки. Он объяснял нам, зачем нужно создавать на кафедре учебную коллекцию птиц и млекопитающих

(в то время это была одна из главных забот всех сотрудников кафедры, включая А. П. Кузякина и В. Ф. Ларионова). Он даже ездил с нами в лес слушать птиц.

В 1962 г. вышла основная зоогеографическая работа А. П. Кузякина — «Зоогеография СССР». В ней он изложил свои представления о месте зоогеографии в системе других наук, историю ее возникновения в России, основы и методы исследований ландшафтной зоогеографии. Для нас она была в дальнейшем настольной книгой в наших работах.

Ландшафтная зоогеография в те годы была делом новым. Её идеиные родоначальники — В. В. Докучаев и Л. С. Берг. Л. С. Берг разработал учение о ландшафтах и развил учение В. В. Докучаева о природных зонах. А. П. Кузякин преклонялся перед Л. С. Бергом, упоминал его постоянно в своих лекциях и просто в разговорах. Мнение Берга было для Александра Петровича всегда внутренней поддержкой, благодаря которой он сравнительно успешно сражался со своими многочисленными оппонентами среди зоологов. «Как сказал Лев Семенович Берг, ...» — мы слышали это очень часто.

В 1950 г. (год смерти Берга) А. П. послал ему тезисы своего доклада «О характеристиках распространения наземных животных» для 2-й экологической конференции в Киеве. И получил от Льва Семеновича ответное письмо — 25 ноября 1950 г., написанное меньше чем за месяц до смерти (он умер 24 декабря): «Я всегда считал, что зоогеография — это раздел географии, а не зоологии. География на все предметы и явления смотрит с точки зрения нужд человека, и перед зоогеографией стоят те же практические задачи, на которые Вы справедливо указываете».

Помимо ландшафтной зоогеографии, А. П. Кузякин познакомил нас и заразил важностью изучения количественных характеристик животных. До этого зоологи не обращали на численность животных особенного внимания. Наоборот, изучать редкие виды считалось гораздо более интересным. Вероятно, впервые А. П. обратил внимание на необходимость учёта численности животных во время своих занятий медицинской зоологией в конце 1930-х годов. Разработку методов количественного учёта разных групп животных А. П. Кузякин считал важнейшей задачей.

Вдохновившись необходимостью количественной характеристики населения птиц и разработки современных методов этой оценки, в 1954 г. я написала под руководством Александра Петровича свой диплом — о количественной характеристике птиц смешанного леса Подмосковья — благодаря опять же предоставленной Александром Петровичем возможности работать на базе Крюковской биостанции МОПИ.

Написала диплом. Александр Петрович его одобрил. Защита диплома — это было первое мое выступление перед научной публикой (до этого были только доклады на Научном студенческом обществе). Я не очень себе представляла, как это делается. Я была уверена, что работа у меня хорошая. Иллюстрации тоже были хорошие. Я развесила свои карты и таблицы с учётами численности птиц. Кое-что было мною придумано и в методике учётов. В общем, я была уверена в успехе. Поэтому, ничто же сумняшееся, я выступила примерно так:

— Здесь дана характеристика населения птиц смешанного леса Подмосковья. Но это не самое интересное. Самое интересное — это новая методика учёта птиц. Поэтому я буду говорить в основном о ней И говорила о методиках — разных и моей в частности.

Мне было задано много вопросов. А под конец одна из очень почтенных преподавателей — Н. В. Тупикова сказала: Ну, Рогачева изложила все безобразно, почти не коснулась основной темы диплома — птиц, а эти новые методики — кому они интересны? И предложила поставить мне за диплом «4».

Это было бы, конечно, позором. Но не согласились другие преподаватели, поставили «5». А для меня это стало хорошим уроком. Но я считала, что пострадала за «правое дело» — защитила количественные учёты, преподанные нам Александром Петровичем.

Материалы для диплома я собирала, присоединившись к полевой практике, которую Александр Петрович проводил со студентами 2-го курса МОПИ. Летом 1954 г. на 2-м курсе МОПИ биологов было человек 30, из них почти все девчонки, мальчиков было только два. И один из них был Юра Чернов — впоследствии известный академик. Александр Петрович очень тепло к нему относился. Потом он, и как будто, его жена Нина Михайловна тоже были у него аспирантами — писали диссертации «по очереди» (так как у них родился маленький сын) — сперва Чернов, потом жена. А на полевой практике 1954 г. Александр Петрович со всеми студентами лазил по лесам и болотам около Крюкова. Чернов сильно хромал, и ему было очень трудно всюду лазить, прыгать и карабкаться, но он делал это безукоризненно, никогда не отставал и даже помогал девочкам.

Александр Петрович очень хорошо знал голоса птиц, отлично ориентировался в лесу, показывал нам и зверей, и растения, и насекомых. Было очень интересно! И все весело, просто, хотя и серьезно тоже.

Я окончила университет в 1955 г. Заранее — за год — Александр Петрович предложил мне идти к нему в аспирантуру. Благодаря этому у меня был спокойный 5-й курс: мне не приходилось волноваться и искать будущую работу, как это делали мои сотоварищи. Сама кафедра, кажется, тогда не очень заботилась, куда пойдут работать её бывшие студенты (первый выпуск — думали, что всё просто, сами найдут и выберут себе работу).

В результате лекций Александра Петровича мы все слегка помешались на природных зонах и на ландшафтной зоогеографии. Для меня это стало основой всей моей будущей работы. В результате вдоль Енисея — отличного зонального «разреза» Северной Азии от полярных пустынь до пустынь Центральной Азии (3600 км с севера на юг) — мы с Е. Е. Сыроежковским с 1956 г. стали вести работы по характеристике фауны отдельных зональных выделов этого разреза и — тоже с подачи Александра Петровича — занимались количественной характеристикой животного населения этих выделов.

В 1965 г. в Алма-Ата на 4-й Всесоюзной орнитологической конференции А. П. Кузякин сделал доклад о первых итогах развития ландшафтной зоогеографии. Она развивалась со скрипом. Первыми удачами Александр

Петрович считал рост интереса к распространению количественных учётов птиц, созданию региональных орнитологических сводок и к рационализации использования охотничьих ресурсов.

После лекций Александра Петровича по ландшафтной зоогеографии, о необходимости ландшафтного районирования, о меридиональных разрезах через все природные зоны на территории разных природных регионов СССР, о необходимости количественной характеристики населения животных мои представления о будущей работе изменились и пополнились. Всё это я применяла в течение всей последующей жизни.

Предложив мне аспирантуру, Александр Петрович нарисовал такую общую картину. Он берет несколько аспирантов, даёт каждому задачу — один из «разрезов» нашей страны: Европейская Россия, Западная Сибирь. Восточная Сибирь, Дальний Восток. Аспирант должен (в одиночку, со спальным мешком) поработать во всех природных зонах — с юга на север: в пустыне, степи, тайге, тундре — и составить количественную характеристику населения птиц каждого зонального выдела. 5-6 аспирантов — и будет готова первая орнитогеографическая характеристика всей страны!

Это, конечно, была мечта, но я восприняла её вполне серьезно. Александр Петрович исходил из собственного опыта: он на свои деньги ездил по всей стране и делал подобную работу. Мне он предложил Западную Сибирь — от Казахстана до Карского моря. Надо было только найти минимум денег или присоединиться к какой-то экспедиции.

Мои родственники и все кругом были в ужасе: молодая неопытная девчонка поедет невесть куда одна, без всякой поддержки и без денег! Надо было искать минимальные средства и, по возможности, спутников по экспедиции.

Я стала искать — и нашла с помощью Е. П. Спангенберга, который посоветовал, куда обратиться. В Институте географии АН СССР предполагалась подобная экспедиция вдоль всего Енисея на протяжении нескольких лет под руководством Е. Е. Сыроечковского. Западную Сибирь пришлось поменять на Среднюю. И это была моя судьба! А всё из-за красноречивых лекций Александра Петровича!

Е. Е. Сыроечковский, человек, совсем не похожий на Александра Петровича, был увлечён теми же идеями. В результате работы на Енисее, организованные им, — не только орнитологические, но и комплексные, включая все биологические ресурсы Енисейской Сибири и их использование, — продолжались 43 года — с 1956 до 1998 гг.

Я была в аспирантуре в 1956-1959 гг. в МОПИ, на кафедре, которой руководил А. П. Кузякин. Но в 1957-1958 гг. он уезжал на работу в Китай, и поэтому большую часть своего аспирантского срока я провела, когда кафедрой зоологии руководил профессор В. Ф. Натали. Диссертацию я защитила только в 1966 г., поскольку была возможность продолжать полевые исследования в Средней Сибири от Института географии АН СССР, куда я поступила работать, ещё не закончив аспирантуру.

Осенью 1956 г., после первой удачной экспедиции в составе коллектива Института географии АН СССР, чтобы иметь возможность ездить

в экспедиции и дальше, я поступила работать в отдел биогеографии, к А. Н. Формозову — туда же, где работал Е. Е. Сыроечковский. Вернее, формально я числилась в отделе биогеографии, а меня взяли как референта по иностранной переписке к директору Института — И. П. Герасимову. И с тех пор, с 1956 до 1969 г., я вела его иностранную переписку — переводила ему приходящие письма, иногда и отвечала (на английском, французском и польском, которые я знала лучше). А переводить пришлось с 18-ти европейских языков! (с литовского, венгерского, румынского, испанского, итальянского и пр.). Мне это даже нравилось, но занимало, конечно, много времени. Зато мне разрешили участвовать в экспедициях Института, и я могла ездить на свой Енисейский разрез!

Увлечённость работой у Александра Петровича нам казалась невероятной. На работе и дома, за счёт отдыха и сна. Потом мы поняли, что это вполне естественно — только так и можно заниматься научной работой. Но в студенческие, сравнительно свободные годы это производило на нас особое впечатление.

При огромной работоспособности он всё делал очень тщательно, был требователен к себе и ко всем своим ученикам.

У Александра Петровича были замечательные коллекции — териологическая (в основном рукокрылые и землеройки), оологическая и лепидоптерологическая (дневные бабочки). Качество экземпляров было бесподобным, безукоризненным, всё было чисто, аккуратно. Смотреть за тем, как он все это делает, было безумно интересно: сравнительно крупные, грубые мужские руки делали тончайшую работу изумительно!

Оологическая коллекция Александра Петровича состоит из 1200 кладок 500 видов птиц СССР. Сейчас она находится в фондах Зоологического музея МГУ, сохранив свой мемориальный статус. Помимо яиц, к каждой кладке прилагается или гнездо (для птиц размером до дрозда) или выстилка лотка — для более крупных птиц. Александр Петрович считал, что строительный материал гнёзд специфичен для каждого вида и заложен генетически. Ему удалось сделать эталонно-справочную оологическую коллекцию, отвечающую международным стандартам.

Териологическая коллекция, начатая как коллекция рукокрылых, но затем включившая в себя насекомоядных, грызунов и зайцеобразных (более 1200 экземпляров) находится в фондах Дарвиновского музея.

В последние годы Александр Петрович начал заниматься дневными бабочками, которые, по его мнению, были более чуткими индикаторами особенностей природной среды и потому особенно ценными для систематики. В конце 1970-х годов он подготовил рукопись «Систематический каталог булавоусых чешуекрылых фауны СССР». В нём приведены русские названия видов, родов и семейств этой группы насекомых, составленных в полном соответствии с предложенными им же ранее принципами упорядочения русских названий животных. До этого у большей части видов бабочек русских названий не было.

Как он правил рукописи? Приезжаешь к Кузякиным вечером домой с куском диссертации или рукописью статьи. Александр Петрович недавно вернулся с работы, рассказывает: сегодня читал лекции, был на заседа-

нии дирекции, принял несколько посетителей . . А теперь вечером — я со своими делами. Он читал рукопись спокойно, внимательно, с комментариями по поводу каждой поправки текста (одно из любимых слов при этом было «неряшка!»), совершенно не щадя своего времени, как будто он никак не устал и был абсолютно свободен. Валентина Ивановна уговаривала нас чаем с каким-нибудь вкусным домашним печивом и тоже была спокойна и доброжелательна. Иногда со мной приезжал и Евгений Евгеньевич, и кроме просмотра рукописи велись бесконечные обсуждения всего происходившего, планов будущих работ (у каждого своих!), очень доброжелательные.

Вся история моего знакомства с Евгением Евгеньевичем проходила, по существу, на глазах семьи Кузкиных. И они относились к нам с большой теплотой и желанием помочь.

Собранные материалы Александр Петрович охотно всем показывал и легко отдавал, если нужно, для использования другим, что многих удивляло. Привычка судорожно сидеть на «своем» материале у нас ещё не изжита.

Александр Петрович уделял особое внимание молодежи — студентам и школьникам. Говорил о том, как важно «зажечь» в человеке интерес к делу в самом начале, тогда и вся жизнь пойдёт по-другому. Он организовал зоологический кружок в МОПИ, на заседания которого приезжали студенты и из университета, и из других вузов. Когда знаменитый школьный кружок П. П. Смолина остался «беспрizорным» после ликвидации Потемкинского педагогического института, он тоже приютил его в МОПИ.

Мы всегда с большим вниманием прислушивались к советам Александра Петровича, и во многих случаях нам это очень помогало.

Помню, в 1960-е годы было совещание по учётам птиц. Мне было поручено сделать обзорный доклад по учётам воробьиных птиц. Поручил Ю. А. Исаков, у которого я работала. Конечно, я пошла советоваться с Александром Петровичем. Он считал правильными только свои методы учёта, но для обзорного доклада надо было поднять большую зарубежную литературу. Где взять? Он посоветовал: поезжайте в Ленинград, в ЗИН. Там есть вся основная зарубежная литература.

И я поехала в ЗИН (на два дня). Тогда ещё были живы все корифеи-орнитологи: А. И. Иванов, Е. В. Козлова, Л. А. Портенко, К. А. Юдин. Я пришла к ним как сотрудница отдела А. Н. Формозова — Александр Николаевич мне, кстати, тоже советовал — как пойти, к кому. Он знал каждого из них очень хорошо, а я их никого не знала. Решила обратиться к К. А. Юдину — всё-таки я тогда уже несколько лет работала в его родном Красноярском крае. Он очень живо откликнулся, привёл меня в комнату, где была их основная орнитологическая библиотека — огромная комната соstellажами до потолка, и всюду книги, книги. В основном иностранные.

Я вытащила свою библиографию, стала искать то, что нужно. В основном это была англоязычная литература, частично французская. К. А. дал мне свою пишущую машинку, я стала читать и писать. Скоро выяснилось, что уже 6 часов, и ЗИН закрывается, и мне успеть всё сделать за два дня невозможно. И тогда К. А. сделал смелый шаг. Он сказал: «Я дам Вам

ключ от комнаты, оставайтесь в ней на ночь. Только не выходите особенно, а то Вас могут арестовать!»

Я поблагодарила и провела эту ночь с большой пользой. Не спала совсем, да и не хотелось — со страху. В общем, за два дня я всё успела, и потом сделала хороший доклад. А кто посоветовал мне поехать в ЗИН? А. П. Кузякин!

В Останкино, где жил Александр Петрович, мы с Евгением Евгеньевичем нередко ездили к нему и после моей защиты, так что связь с ним у нас не прерывалась все 1960-е и 1970-е годы.

Кстати, каждое наше с Евгением Евгеньевичем посещение дома Александра Петровича, независимо от количества дел по просмотру рукописей и прочего, неизменно начиналось с просмотра коллекций: он с гордостью показывал, что нового появилось у него после очередного полевого сезона и излагал свои мысли по поводу усовершенствования коллекций и их значения для развития науки вообще.

Систематика всегда было одной из основных линий работы Александра Петровича. Начиная с летучих мышей и выхода в 1950 г. его книги «Летучие мыши (систематика, образ жизни и польза для сельского и лесного хозяйства)». Её подготовкой он занимался с 1934 г. по издательскому договору с ЗИНом, кончил к 1938 г., но не смог напечатать, поскольку его выводы по систематике не согласовывались с дарвиновской схемой дивергенции.

С 1935 г. А. П. Кузякин начал заниматься медицинской зоологией. Занимался кожным лейшманиозом в Туркмении, природными очагами энцефалита, риккетсиозов и геморрагической лихорадки на Дальнем Востоке, чумными очагами на Аральском море. Занимался даже дератизацией Кремля. Во время войны вёл противоэпидемические работы на Центральном, Сталинградском и Калининском фронтах (была эпидемия туляремии и др.). Имел за это медали «За оборону Сталинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. ». Конечно, для студентов-географов, которые слушали его лекции, его примеры из работ по медицинской географии были совершенно новы и очень интересны.

Александр Петрович читал курс медицинской зоологии в МОПИ, и на его лекции часто ходили мы — студенты биологического и географического факультетов МГУ.

В 1973 г. было создано Всесоюзное териологическое общество АН СССР, и Александр Петрович возглавил в нём комиссию по рукокрытым. До 1988 г. ему удалось провести 4 Всесоюзных совещания по этой теме. Александр Петрович много занимался совершенствованием систематики и таксономии рукокрылых.

Очень важно было появление 2-го издания «Определителя млекопитающих СССР» (1965) с его участием. Это было особенно важно для нас, географов, поскольку в это время в зоологии процветало деление видов на многочисленные подвиды, и все исследования велись на подвидовом уровне («эпоха видового распада»), а мы не были знакомы со всеми глубинами зоологической систематики, таксономии и прочих зоологических премудростей. Вид как основная таксономическая категория — таково было

основное положение систематических представлений А. П. Кузякина.

Всю свою научную жизнь, с 1930-х годов Александр Петрович занимался проблемой упорядочения русских названий животных — сперва рукокрылых, затем и млекопитающих вообще, и птиц, и булавоусых чешуекрылых. Он считал, что разработка национальных названий животных — важная задача зоологической систематики. В этом плане он также был последователем Л. С. Берга, который в ихтиологии первым унифицировал латинские и русские названия крупных таксонов рыб и привёл их в соответствие с международной системой таксономии.

В 1965 г. после 4-й орнитологической конференции в Алма-Ате была создана Всесоюзная общественная комиссия по выработке единых названий птиц СССР под руководством А. П. Кузякина. Комиссия разработала общие принципы упорядочения русских названий животных, которые Александр Петрович успешно доложил в 1969 г. на 5-й орнитологической конференции в Ашхабаде, и они были приняты.

А. П. Кузякин всюду, на всех совещаниях и съездах настойчиво (иногда, как некоторым казалось, излишне настойчиво) предлагал свои новаторские идеи. Молодежь воспринимала их легко, с интересом, старшие — часто с трудом и даже с отторжением.

Желание помочь людям, попавшим в трудное положение, — ещё одна характерная черта Александра Петровича.

В 1969 г. Александр Петрович оказал неоценимую помощь нашей семье в связи с защитой докторской диссертации Евгения Евгеньевича. Мы с ним оба работали тогда в Институте географии АН СССР, в отделе биогеографии, которым руководил до 1964 г. наш всеми любимый А. Н. Формозов, с его непререкаемым авторитетом для всех зоологов страны.

Неверно то, что писал А. А. Насимович в своём очерке в книге «Московские териологии» (2001) об уходе А. Н. Формозова с поста заведующего отделом биогеографии в Институте географии. Конечно, Александр Николаевич не любил административную работу, но её количество в Институте было минимальным. Все его любили, руководство Института старалось ему помочь, и он с удовольствием принимал те скромные почеты, которые ему оказывались в Институте. Все сотрудники отдела (а там было много известных учёных — С. В. Кириков, Ю. А. Исаков, А. А. Насимович, Д. В. Панфилов, О. С. Гребенщиков, К. С. Ходашева, Р. П. Зимина) были самостоятельны в своей работе и не требовали специальной опеки. И Александр Николаевич руководил ими, по существу, номинально, мягко и спокойно. Он был, по существу, скорее консультантом и другом, а не заведующим. Но он очень ценил то, что он заведует отделом в Академии наук — после того, как его, по существу, выгнали из университета из-за Лысенко. Конечно, его любимым «чисто экологическим» вопросам в отделе уделялось немного внимания: он был, по существу, почти единственным чистым экологом, хотя К. С. Ходашева и отчасти Р. П. Зимина были, безусловно, его ученицами. А проблемы «конструктивной географии», о которой писал Насимович в своём очерке об Александре Николаевиче в «Московских териологиях» ... Вероятно, он имел в виду активно развивавшееся в отделе направление исследований по ресурсам животного мира.

Это было веяние времени, хотя вначале большинство сотрудников отдела не хотело этим заниматься, и слово «ресурсы» было в течение нескольких лет почти ругательным.

А начало занятий ресурсной тематикой в отделе было связано с Е. Е. Сыроечковским — бывшим аспирантом А. Н. Формозова, работавшим в отделе с 1954 г. Ему только «позволяли» заниматься ресурсной тематикой, но совсем не собирались заниматься ею сами.

Но время заставило. Работа Института над 10-томной монографией «Природные условия и естественные ресурсы СССР» велась непосредственно в ресурсном плане, и отдел биогеографии должен был в этом участвовать. К середине 1950-х годов дело дошло до Средней Сибири, которой и занялся Е. Е. Сыроечковский.

Все переменилось, когда в отделе появился Ю. А. Исаков. А. Н. Формозов потратил немало сил, чтобы добиться его зачисления к себе в отдел. Он Исакова жалел и опекал, поскольку после ссылки и работы в Дарвиновском заповеднике у того не получалось устроиться на работу в Москве. А тут получилось.

Ю. А. Исаков сразу понял, что без изучения биологических ресурсов отдел не сможет вписаться в работу Института. Но А. Н. Формозов не собирался ими заниматься. И Исаков, с помощью поддерживавшей его Р. П. Зиминой (женой директора Института И. П. Герасимова), начал развивать в отделе ресурсную тематику. В результате получилось, что А. Н. Формозову в 65 лет предложили уйти на пенсию — очень деликатно. Но он страшно обиделся. Он ведь был создателем отдела, и вообще в Академии наук в то время люди никогда не уходили на пенсию так рано, тем более такие заслуженные люди! Но он сейчас же ушел, и после этого появлялся в отделе сравнительно редко. Я была тогда близко знакома с Формозовыми, часто бывала у них дома. И постоянно утешать его, повторяя, что никто о нем не забыл, что все его помнят и ценят, было одно из обычных дел при каждой встрече.

Развивая, помимо прочего, ресурсную тематику, Ю. А. Исаков и не думал работать вместе с Е. Е. Сыроечковским, и Е. Е. Сыроечковский не думал работать с ним. Это желание было взаимным, они мало симпатизировали друг другу. У каждого было свое представление о развитии зоогеографии, о необходимости (или не необходимости) доводить исследования до внедрения их результатов в практику, о необходимости природоохраных аспектов и т. п.

Предложения Евгения Евгеньевича по изучению биологических ресурсов Сибири не принимались. Их сторонились. Е. Е. был гораздо моложе остальных, и его успехи, его научные работы принимались пожилыми отдельцами неохотно. Для них это был мальчик, который хочет быть впереди всех. Возможно, сказывался и независимый характер Е. Е., и его нежелание идти на компромиссы по ряду позиций. А он в 1960-х гг. стал готовить докторскую диссертацию, закончил её в 1968 г. и подготовил к защите. Диссертация была на стыке нескольких наук: биологии, географии, экономики и этнографии. Это тоже не нравилось чистым зоологам отдела. Соответственно и оппоненты к защите были нескольких разных специальностей.

Евгений Евгеньевич предложил диссертацию в Учёный совет Института географии — ему отказали: не по профилю. Тогда он предложил диссертацию на Общий биологический совет Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске — и её там приняли.

Узнав об этом, члены отдела под руководством Ю. А. Исакова написали пространный отрицательный отзыв на работу Е. Е. Сыроечковского, принудив А. Н. Формозова первым подписать письмо. Письмо послали в Новосибирск, предлагая отказаться от принятия диссертации на защиту. Новосибирцы не согласились. Учёным секретарем Объединённого совета в то время был Н. Н. Воронцов. Был разослан автореферат Е. Е. Сыроечковского (заранее, в конце 1968 г.). Защита была назначена на февраль 1969 г.

Первым оппонентом у Евгения Евгеньевича был профессор В. Н. Скалон. Евгений Евгеньевич его мало что не боготворил — считал учителем, великим учёным и т. п. В. Н. Скалону нравилась диссертация Е. Е., он считал его проводником своих главных идей в науке. Но внезапно, за месяц до защиты, В. Н. Скалон написал, что он отказывается оппонировать — не может (чуть не по состоянию здоровья). Он жил в это время в Иркутске, ехать ему было до Новосибирска — рукой подать.

Евгений Евгеньевич оказался в трудном положении. Нужно было срочно искать замену первого оппонента! Остальные оппоненты — зоолог, этнограф и экономист — считали работу выдающейся и не собирались отказываться.

И вот в очередной раз в трудный момент мы с Евгением Евгеньевичем поехали к Александру Петровичу — посоветоваться, как быть. Он послушал, покачал головой. Сказал, что так часто бывает в жизни, особо огорчаться нечего. Он имел автореферат, работа ему нравилась. И вдруг — неожиданно для нас — предложил: «Хотите, я буду у Вас первым оппонентом? До защиты ещё месяц, я успею. Везите диссертацию!»

А диссертация была в 3-х томах — 1000 страниц! Скалон писал, что он трижды ходил на почту с рюкзаком, чтобы её доставить до дома.

Мы были потрясены и обрадованы, конечно. Мы и думать не могли, что Александр Петрович, читающий лекции и имеющий массу дел, может на неделю оторваться от всего и поехать в Новосибирск. Наверное, кроме всего прочего, он хотел слегка «утереть нос» великим специалистам из нашего отдела. И он поехал. И блестяще выступил.

Письмо с отрицательным отзывом коллектива, в котором диссидент работал 20 лет, огласили в самом начале защиты, до отзывов оппонентов. После того, как прочитали отзыв, зам. председателя Совета подошел к Евгению Евгеньевичу и предложил ему отменить защиту. Евгений Евгеньевич отказался: «Буду биться, отвечать на все обвинения». И долго отвечал на них. А потом выступил первый оппонент — профессор А. П. Кузякин. И — всем стало ясно. После А. П. Кузякина выступили 3 остальных оппонента с сугубо положительными отзывами. Совет проголосовал единогласно. Так А. П. Кузякин помог Е. Е. Сыроечковскому.

В общем, Александр Петрович был для нас всегда надёжным советчиком, всегда откликался, если надо было помочь, а наша семья всегда будет об этом помнить.

После окончания аспирантуры и защиты в 1966 г. диссертации на Учёном совете МОПИ формальные мои связи с А. П. Кузякиным закончились. Но мы с Евгением Евгеньевичем продолжали постоянно с ним встречаться — ездили к нему домой, а по праздникам, когда мы собирали дома гостей — в основном знакомых зоологов и географов из университета и из Института географии — мы всегда звали Александра Петровича и Валентину Ивановну, и они всегда приходили. У нас было весело и просто — все пели, танцевали, играли в жмурки и в «щетку» — и молодые, и старые. Валентина Ивановна как-то мне сказала, что она любит ездить к нам домой. А это значило много! Она редко так говорила.

Валентина Ивановна (по образованию историк) — как будто сама не занималась науками мужа, но была полностью ему предана и помогала как могла. Вся её жизнь и деятельность (а ведь были ещё двое детей!) была полностью подчинена распорядку и деятельности Александра Петровича. Ей было, конечно, очень трудно. Я была в похожем положении — я тоже была полностью поглощена делами Евгения Евгеньевича, но у меня была и моя наука — цель, которая оправдывала всё остальное. У неё был только Александр Петрович, совершенно бескорыстное его обеспечение всем необходимым. Не знаю, помогала ли она ему в подготовке коллекций — наверное, да, помогала. Но об этом никогда ни слова не было сказано.

Вот один случай. Александр Петрович возвращался из экспедиции, Валентина Ивановна должна была его встретить на вокзале. Они жили далеко, у ВДНХ, ехать долго. В. Ф. Ларионов, который жил рядом с ними, предложил ей отвезти её на машине и забрать Александра Петровича с его вещами. Она согласилась. И вот они поехали к вокзалу и попали в пробку. Я до сих пор помню: обычно такое спокойное лицо Валентины Ивановны от рассказа её стало совершенно взволнованным: «Пока мы тащились в пробке до вокзала и опаздывали — я думала, я поседею! Ведь Александр Петрович никак не признает опозданий».

И действительно, он был всегда безукоризненно точен, если обещал куда-то прийти, и требовал такой же точности от остальных — студентов, учеников. И все очень старались быть с ним точными, хотя обычно ребятам это было не очень-то свойственно. Как же! Раз Александр Петрович сказал!

Ему попадались хорошие люди и хорошие учителя. Смолоду в нём было что-то, привлекавшее к нему внимание взрослых, серьёзных людей. После расстрела отца он, вынужденный уйти из 7-го класса школы, уехал из дома и, без копейки денег, на ящике под вагонами добрался до Москвы — он прочитал книжку про Асканию-Нова и решил ехать из Сибири туда работать. Попав в Москву, он прежде всего пошёл в зоопарк. Там увлеченного мальчика заметил П. А. Мантейфель, заговорил с ним, поговорил по душам и уговорил не ездить в Асканию, а остаться работать тут, в Московском зоопарке.

Когда он поехал в 1932 г. в командировку от зоопарка в Ташкент, его заметил Р. Н. Мекленбурцев и сумел заинтересовать на всю жизнь рукокрылыми. Когда он привёз в МГУ собранных им рукокрылых, его там заметили и познакомились с ним А. Н. Формозов и Н. А. Бобринский. Последний потом работал в МОПИ, и именно на его место потом пришёл на

кафедру зоологии МОПИ Александр Петрович. Он восхищался статьями Н. А. Бобринского — лёгкостью и точностью его изложения.

Александр Петрович, не имевший образованных предков, сам учился писать, сам совершенствовал свой стиль. И постепенно дошел до высокого совершенства. Его работы с 1960-х годов представляют собой образец грамотного и точного изложения мыслей — ничего ни прибавить, ни убавить, — без архитектурных излишеств, но абсолютно грамотно с точки зрения русского языка и научного изложения.

Его многие не любили. Он был резок в спорах при защите своих идей, и это многим не нравилось. Когда в споре его хотели завести в научные дебри, чтобы показать свою глубокую эрудицию — из этого обычно ничего не получалось. Оказывалось, что он всё это знает, хотя в некоторых случаях он мог сказать: «Ну, про эту лабуду (его любимое слово) я знаю, но это не заслуживает внимания!»

Нельзя сказать, что мы с Евгением Евгеньевичем считали себя учениками и последователями А. П. Кузякина. Но в нашей молодости именно он вызвал у нас интерес именно к такому всепоглощающему подходу к научным исследованиям и своим примером бескорыстного служения делу был для нас примером.

Вот и теперь — мне 82 года, а я сижу и с удовольствием пишу первый из трёх томов монографии «Птицы Таймыра». И нередко с теплотой вспоминаю Александра Петровича.

Александр Петрович Кузякин — учитель, критик, оппонент Ю. С. Равкин

С Александром Петровичем Кузякиным я познакомился летом 1955 г. при не самых лучших, для меня, обстоятельствах. В это время я перешёл на 2-ой курс заочно-вечернего отделения факультета охотоведения Московского пушно-мехового института. Очное отделение в 1954 г. было переведено в Иркутск. Поскольку близилось моё девятнадцатилетие мне предстояло влиться в доблестные ряды Советской армии, что, как минимум, на три года должно было оторвать меня от занятия биологией. Учитывая мою горемычность, Надежда Львовна Гершкович (паразитолог по образованию и роду работ, друг моих родителей ещё по Биостанции юных натуралистов им. К. А. Тимирязева в Сокольниках) посоветовала обратиться за помощью к А. П. Кузякину и написала рекомендательную записку примерно такого содержания: «Дорогой Саша! Будь добр, помоги, если сможешь, подателю сего, Юре Равкину с переводом в МОПИ. Он человек хороший, но у него нелады с российской грамматикой». Последнее было истинной правдой, поскольку, пытаясь поступить в Московский городской пединститут, я умудрился сделать 5 ошибок в автобиографии и удостоился визы ректора на заявлении «Документы вернуть, абсолютная безграмотность».

Получив указанную записку, А. П., будучи заведующим кафедрой зоологии, начал ходить со мной по начальству и, если я отвечал на вопросы не так, как следовало, давил под столом своей ногой мою, чтобы я говорил так, как надо. Однако ему удалось добиться моего перевода толь-